

Ком. правда - 1999 - 11 февр. - с. 9
В психбольнице Пельтцер шепнула мне: «Оля, забери меня отсюда!»

(Из новой книги О. Аросевой «Без грима»)

Когда я пришла в Театр сатиры, Татьяна Ивановна было около сорока пяти лет. Мы мгновенно подружились. Тогда у нее был роман с актером Б... Пельтцер своего избранника обожала и моментально загрузила меня поручениями: то записку снести этому самому Б., то по телефону позвонить, то встретиться с ним и передать что-то. Кончилось тем, что она меня к нему привезновала, и на короткий срок мы поссорились. Я буквально обалдела от ее романа! Дама в преклонном возрасте, а трепещет от любви! Потом только сообразила, что она тогда была еще молодой женщиной, даже не пятидесятилетней. Поэтому, по сегодняшнему моему пониманию, было самое время любить.

Пельтцер имела вздорный характер. Перед спектаклем ей обязательно нужно было с кем-нибудь поскандалить. Она себя нарочно распяляла, кричала за кулисами на весь женский этаж: «За что вы зарплату получаете? Развелось вас тут... всяких бездельниц, гримеров-костюмеров! Куда вы подевались, дармоедки?»

Пока на всех не наорет, не пошлет куда подальше - не успокоится. А на сцену выходила очень собранной, подготовленной. Я ее понимала, и все понимали, что она очень добрый человек - всем в театре помогала, в том числе и деньгами. Но особенно много и с готовностью помогала неимущим молодым актерам. (...)

Пельтцер-актрисой я всегда восхищалась и очень страдала, когда она ушла. Пустяковая ссора с Плучеком на репетиции началась из-за взаимной грубости, а переросла в грандиозный скандал, в разрыв с замечательной актрисой, которая театру была очень нужна и которую сам Плучек высоко ценил, хотя и не был ей творчески близок.

Шла последняя перед премьерой репетиция спектакля «Горе от ума». Не занятая в нем, я слушала в своей грим-уборной радиотрансляцию сцены бала у Фамусова. Вдруг в плавное и слитное течение грибоедовского текста ворвался раздраженный вопрос Пельтцер: «Куда мне идти?» Плучек недовольным голосом, потому что прервалась репетиция, ответил, что идти она может куда захочет.

Она еще более раздраженно, выходяще даже спрашивает: «А куда мне сесть?»

Он, взорвавшись, отвечает: «Ну, конечно, вы должны быть в центре, а остальные - вокруг... Между прочим, здесь еще и Чацкий, и Софья есть! Вы, конечно, не заменили?» (Чацкого играл Андрей Миронов, а Софью - молодая, очень талантливая актриса Татьяна Ицыкович, которую Плучек особенно любил и всячески выдвигал.)

Что тут началось! Следовал текст не по Грибоедову, который я повто-

рять не решаюсь. Кричит она. Кричит он. Оба словно обезумели. Понимаю, что сейчас Татьяна репетицию бросит и со сцены уйдет. Бегу вниз, в вестибюль, чтобы ее встретить. Схватила с вешалки свое и ее пальто. Жду. Она спускается. Тоже бегом. Я пытаюсь ее одеть, увести из театра. А она, еще докрикивая, вдруг поворачивает обратно, рвется из моих рук - договорить Плучеку то, что не успела. Я ее умоляю ехать домой. А по трансляции голос: «Аросеву немедленно на сцену!» Это чтобы Пельтцер заменить в спектакле.

Выбежал Миша Державин в костюме Скалозуба: «Ольга Александровна, уходите немедленно, Плучек вас репетировать зовет». Мы с Пельтцер выскочили из театра. (...) Сели в такси, я умоляю Татьяну успокоиться. А она только и повторяет, как в затмении разума: «Я к Марку Захарову пойду! К Марку пойду, к Марку...»

Кое-как довезла ее до дому, а утром звонок: «Ольга, дай мне твою машину. Я поеду жаловаться в министерство». У меня тогда «жигуленок» был с водителем. Вместе с шофером я поехала к ней. И опять мы по Москве два часа катались. И снова я ее уговаривала, но не отговорила. Она к Марку Захарову в «Ленком» ушла. (...)

Захаров ее любил, называл «нашей бабшкой», но интересной работы, по масштабу выдающейся актрисы; не давал. У него она стала совсем другая: чего-то боялась, непривычно робела (...)

Я пошла посмотреть ее в «Трех девишках в голубом», где Татьяна Ивановна получила наконец интересную роль бабки-соседки, с единственным монологом какой-то необычной формы, без знаков препинания, без логики,

ческой болезни?.. Она сходила с ума, а театры - и наш, и «Ленком» - были на гастролях. Из дома ее на «Скорой помощи» отвезли в психбольницу имени Ганнушкина и поместили - народную артистку СССР, знаменитую Пельтцер! - в палату душевнобольных на пятнадцать человек.

Мы с директором нашего театра, Мамедом Агаевым, человеком очень добрым и почитающим старость, как все кавказские люди, едем туда. Нас не пускают. Мы - к глав-

Народная артистка Татьяна Пельтцер.

Глаза ее жалобно заметались, она подумала лишь секунду и уверенно, даже гордо сказала: «Друг мой пришел»

сплошным потоком, с невероятным сочетанием слов: «Я надела плащ синий новые зубы ботинки желтые невестка подарила...» Пельтцер после спектакля познакомила меня с автором, драматургом Людмилой Петрушевской. Я говорю:

- Одна Татьяна Ивановна играет в правильном ключе, в вашем ритме, не бытово, а условно...

А Пельтцер дергает меня за рукав, испуганно шепчет:

- Оля, замолчи, не хвали меня! Вон Люлечка Фадеева слушает. Пойдем лучше сигарет стрелным, покурим.

Спустились в курилку. Пельтцер внезапно замерла:

- Нет, нет, здесь Люлечка Фадеева сидит. Пойди сама, попроси сигареты. Только не говори, что для меня. Тут меня все ненавидят.

Может быть, подозрительность эта была началом ее стар-

врачу, а он говорит, что больная очень агрессивна, никого не узнает. Мы настаиваем, и он после долгих уговоров наконец разрешил и даже сам пошел с нами, сказав: «Мне самому интересно, узнает ли она вас?»

И вот идем по длинному больничному коридору, а попавшаяся навстречу нянечка говорит, что Татьяна Ивановна курит в уборной. И тут вижу, бежит Татьяна, кинулась ко мне в объятия, а врач спрашивает: «Ну, кто это к вам пришел?» Глаза ее жалобно заметались, она подумала лишь секунду и уверенно, даже гордо сказала: «Друг мой пришел».

Потом она и имя мое вспомнила. Когда дело дошло до театральных новостей, Татьяна Ивановна интересовалась, где были гастроли, что играли, и совершенно здраво расспрашивала обо всех. А о своем здоровье, вернее, нездоровье говорила что-то невнятное, жаловалась на больных (как рассказал врач, она дралась с ними). И только в конце свидания прижалась ко мне совсем беспомощно и шепнула: «Оля, забери меня отсюда!» Мы все, директор театра, она и я, в голос зарыдали - так невыносимо было уходить от нее.

«Ленком» вернулся с гастролей, и Захаров перевел Пельтцер в другую клинику, в отдельную палату.

Татьяна Ивановна умерла, оставив мне в наследство ломберный столик, за которым мы столько вечеров картежничали. Я его на дачу перевезла. Открываю однажды ящик, а там на листке пуляк расписана и наши фамилии стоят - Пельтцер, Токарской, Гены Эльмана и моя. Трех уже нет в живых.

135